

АНДРЕЙ
ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД
ИСАЕВ

«Последнее прибежище вчера в мире завтра»: Иордания до и после «арабской весны»

Иордания покоряет своей странной, чарующей красотой и ощущением вневременности. Испещренная руинами некогда великих империй, она последнее прибежище вчера в мире завтра.

Иорданский король Хусейн
«Но нет покоя голове в венце»¹

В ноябре 1920 года Абдалла, старший сын шерифа Мекки Хусейна, совершил, преодолев тысячу километров, путешествие из своего родного города в Маан – маленькую деревушку посреди пустыни, приютившуюся на периферии управляемой британцами послевоенной Палестины. Незадолго до этого Лондон разделил полученный от Лиги Наций палестинский мандат на две части, что позволило территории, куда прибыл знатный гость из Хиджаза, обзавестись собственным наименованием на географических картах. Место теперь называли Трансиорданией, фиксируя тот факт, что одна из самых знаменитых рек Ближнего Востока – и всего мира – делила его

1 *«Uneasy Lies the Head». The Autobiography of His Majesty King Hussein I of the Hashemite Kingdom of Jordan.* London: Bernard Geis Associates, 1962. P. 4.

**ВОСТОК
УМИРОТВОРЕННЫЙ
И ВОЮЮЩИЙ**

пополам. Экспедиция, которую возглавлял Абдалла, состояла из трехсот вооруженных людей, снабженных шестью пулеметами. Им предстояло основать государство буквально на пустом месте – вопреки полному отсутствию в Трансиордании того, что британский востоковед Филип Робинс называет «сырьем государственности»².

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

ТВОРЕНИЕ ИЗ НИЧЕГО

Эта особенность национальной истории объяснялась тем, что появление Иордании на карте мира обошлось без предварительного выращивания каким-то территориальным сообществом собственных и самобытных политических институций. Иордания стала «новоделом», вызванным к жизни амбициями британских колонизаторов, переустроивавших после Первой мировой войны доставшийся им кусок Ближнего Востока: она практически по-библейски творилась из ничего. Молодым государствам, однако, присущи не только очевидные слабости, но и бесспорные преимущества: избавленные от тяжеловесного, а подчас и неудобного исторического прошлого, они более свободны в своем развитии, совершая порой такие прорывы, которые не под силу солидным державам с великим, но тягостным бременем за плечами. Возможно, это обстоятельство отчасти объясняет едва ли не чудесное и хронологически довольно быстрое превращение нелепого *artificial creature* в современное *nation-state*³. На протяжении этого пути Иордании многократно предрекали крах, причем иногда казалось, что он совсем близко; но государство не только не было растерзано опасными соседями и внутренними врагами, но и смогло устоять в бурях «арабской весны» 2011–2012 годов, основательно подчистивших чердаки и кладовки ближневосточной политики.

Экспедиции под предводительством Абдаллы предшествовали знаменательные события. Надо сказать, что до Первой мировой войны династические амбиции Хашимитов⁴, обосновавшихся на Аравийском полуострове еще во времена Пророка, были довольно скромными: турецкий султан в своей ипостаси «халифа правоверных» доверял им наследственное попечение над мусульманскими святынями Мекки и Медины, с которым они весьма качественно справлялись, не досаждая своему сюзерену и извлекая из своего блюстительского статуса очевидные выгоды. Однако казавшееся вечным положение вещей

Андрей Александрович Захаров (р. 1961) – политолог, редактор журнала «Неприкосновенный запас», доцент Российского государственного гуманитарного университета.

Леонид Маркович Исаев (р. 1987) – арабист, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института Африки РАН.

2 ROBINS P. *A History of Jordan*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 17.

3 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Jordan: A Hashemite Legacy*. London; New York: Routledge, 2009. P. XIV.

4 Подробнее о происхождении и особенностях Хашимитской династии см.: АГАНИН А. Р. *Племена и кланы Хашимитского королевства*. М.: Институт Ближнего Востока РАН, 2013. С. 67–77.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

поколебала младотурецкая революция конца 1900-х. Взявшие власть реформаторы руководствовались стремлением превратить ветшавшую космополитическую империю в подобие современного национального государства – с турками в качестве государствообразующего народа.

В Аравии, как и во многих других частях османского мира, такие инициативы воспринимали с настороженностью: образованные и амбициозные местные горожане не желали перековываться из османских подданных в турецких граждан, а «сыны пустыни»-бедуины опасались чрезмерного вмешательства централизующегося – и, как следствие, все более вездесущего – государства в бережно лелеемый ими кочевой быт. Упорядочение имперской периферии, затеянное Константинополем, означало среди прочего встраивание бедуинских сообществ в государственные правоохранительные структуры, а это лишало их возможности собирать с земель, примыкавших к Аравийскому полуострову с севера, традиционный «налог на безопасность», теперь отправлявшийся в имперскую казну. Наконец, стоит отметить, что здешнее население без энтузиазма восприняло строительство Хиджазской железной дороги, развернутое османскими властями в первые годы XX века. Эта магистраль, призванная, по замыслу инженеров, соединить Дамаск с Меккой, больно била по экономическим интересам больших племен, привыкших собирать мзду с многочисленных паломников, караваны которых издавна проходили через их земли⁵. Перечисленные обстоятельства не могли не подтолкнуть Абдаллу и Фейсала, старшего и младшего сыновей шерифа Мекки, к интенсивным контактам с арабами-националистами из Дамаска и Бейрута, которые уже накануне 1914 года начинали мечтать о замене султанского покровительства на скипетры арабских царственных династий⁶. В свою очередь начавшаяся вскоре Первая мировая война окончательно убедила шерифа Хусейна, их отца, в том, что равняться следует на Лондон, способный сделать для арабского самоопределения (и аравийского кошелька) гораздо больше, чем Константинополь.

Детальное описание того, как зрело это недовольство, как оно вылилось в Арабское восстание 1916 года и как ожидания арабов были посрамлены в ходе послевоенного урегулирования, не вписывается в тематику настоящей работы⁷. Рассуждая о том, каким образом появилась на свет современная Иордания, мы вынуждены ограничиться лишь отдельными

5 ROVINS P. *Op. cit.* P. 8.

6 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 15–16.

7 Подробное изложение этой драмы предлагают, например, Юджин Роган и Шон Маккикин: ROGAN E. *The Arabs: A History*. London: Penguin, 2012. P. 182–216; McMEEKIN S. *The Ottoman Endgame: War, Revolution and the Making of the Modern Middle East, 1908–1923*. London: Penguin, 2016. P. 295–314.

аспектами этой захватывающей истории, напрямую связанными с превращением сыновей шерифа Мекки в новоявленных арабских венценосцев. Когда разразилась мировая война, Абдалла первым из двух братьев вступил во взаимодействие с англичанами, помогая им наладить контакты со своим отцом. Коммуникация была обоюдовыгодной: англичанам важно было предотвратить джихад, объявлением которого грозила поддерживавшая немцев Блистательная Порта, а шериф Мекки, способный влиять на реализацию подобных планов, надеялся с помощью Лондона расширить свои политические и экономические амбиции за пределы родного Хиджаза. После того, как многократно обещанное Хашимитам арабское государство так и не состоялось, сыновья Хусейна попытались устроить свою судьбу самостоятельно. Несмотря на то, что войска под началом принца Фейсала в июле 1917-го без боя оккупировали портовый город Акаба, а в сентябре следующего года столь же тихо взяли Амман, земли, на которых сегодня располагается Иордания, в то время не рассматривались в качестве какого-то обособленного территориального образования – в отличие, скажем, от соседнего Ирака. Подлинным центром едва ли не всей политической активности арабского мира в те времена оставался Дамаск. Разумеется, этот город был предметом вождений и для героев недавнего Арабского восстания.

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

Иордания стала «новоделом», вызванным к жизни амбициями британских колонизаторов, переустраивавших после Первой мировой войны доставшийся им кусок Ближнего Востока: она практически по-библейски творилась из ничего.

В ноябре 1918 года была обнародована англо-французская декларация, благословившая создание в Ираке и Сирии местных управленческих структур. Воодушевившись этим документом, Фейсал при содействии иракских и сирийских националистов, а также британских офицеров учредил в сирийской столице правительство под своим началом. Но, как пишут британские специалисты по Иордании, «вопреки арабским чаяниям, европейцы-победители четко разграничивали между собой автономию и независимость»⁸. Летом 1919-го Сирийский конгресс, собравшийся в Дамаске, сначала призвал союзные державы признать независимость Сирии (с включением в нее

8 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 18.

Палестины) под началом короля Фейсала, а потом провозгласил Абдаллу королем Ирака. Поскольку Антанта проигнорировала эти решения, Фейсал самолично отправился на Парижскую мирную конференцию, чтобы доказать правоту дела, отстаиваемого Хашимитами. В основе его аргументации лежали три довода: во-первых, переписка между шерифом Мекки и британским верховным комиссаром в Египте, имевшая место в 1915–1916 годах и недвусмысленно обещавшая арабам собственное государство; во-вторых, помощь, оказанная союзникам в ходе Арабского восстания; наконец, в-третьих, фактическое учреждение в Дамаске монархической администрации под его собственным началом.

Между тем французам, которые считали Фейсала англофилом, его возвышение совсем не нравилось; желая ограничить самоуправство принца из Хиджаза, они напомнили англичанам о том пункте подписанного в 1916 году соглашения Сайкса – Пико – Сазонова, который предусматривал передачу послевоенной Сирии под контроль Французской Республики. (Несмотря на то, что обнародование соответствующего документа вызвало в арабском мире грандиозный скандал, отменено оно не было.) Союзники решили проблему, опираясь на учрежденную Парижской конференцией систему подмандатных территорий: в 1920 году англичане оставили сирийские земли, а сменившие их французские войска заставили младшего сына шерифа Мекки уйти из Дамаска. После того, как через год Фейсал получил компенсационное возмещение, приняв от Лондона прерогативы короля Ирака, перед англичанами встал вопрос о трудоустройстве его старшего брата. Хашимитские владения на Аравийском полуострове трещали по швам под натиском местных ваххабитов: многие уже понимали, что удержать в своих руках Хиджаз шерифу Мекки не удастся. Именно тогда Абдалла и предпринял тот пустынный марш-бросок, с которого начинался этот текст. Ему нужна была собственная империя, хотя бы маленькая, но свободного места вокруг почти не оставалось. Задержавшись в Маане на три месяца, старший принц перебрался в Амман. Трудно не согласиться с тем, что, в конечном счете, вся авантюра Абдаллы была «попыткой вновь привлечь к себе внимание англичан, благорасположение которых, как он рассчитывал, могло принести ему какие-то выгоды»⁹.

Британских чиновников, занимавшихся налаживанием мандатной системы в бывших османских землях, присутствие Абдаллы и раздражало, и настораживало. Им, размышлявшим, нужно ли включить территорию Трансиордании в состав под-

мандатной Палестины или лучше учредить там военную администрацию, наличие под боком представителя одной из древнейших ближневосточных династий казалось совсем не к стати. Но применить силу против оставшегося без царства бывшего товарища по оружию они не решились; именно так, по умолчанию, будущий иорданский король понемногу пустил корни на земле своего будущего королевства. Способствовало его предприимчивости и то, что в Вестминстере довольно быстро осознали: политический вакуум, оставленный на берегах Иордана, будет угрожать коммуникациям между исключительно важными британскими приобретениями – Ираком и Палестиной¹⁰. Именно так Трансиордания, совершенно неожиданно для ее редких обитателей, обрела стратегическую значимость, пусть даже в качестве «буфера» или «моста», соединяющего более важные для англичан земли – и вытекающую из этой значимости перспективу политического самоопределения. В итоге в марте 1921 года на конференции в Каире, организованной британским Министерством по делам колоний, венценосным братьям, наконец, воздали по заслугам: Фейсалу доверили учреждать арабскую государственность в Ираке, а Абдалле – в Трансиордании. Англичане, больше доверявшие младшему брату, предложили ему по-настоящему серьезную должность: Ирак был очень важен для их политических игр. Старшему же достался лишь «утешительный приз», причем последний, как отмечает Филип Робинс, испытывал «нескрываемое презрение к своему явно нежизнеспособному приобретению»¹¹.

Интересно, что для старшего установили нечто вроде испытательного срока: на протяжении шести месяцев ему предстояло доказывать, что он способен к управленческой работе. «У британцев были сомнения по поводу компетентности Абдаллы, но, в конечном счете, они решили, что будет проще и, главное, дешевле оставить его там, где он есть»¹². В сентябре 1922 года Лига Наций формально изъяла Трансиорданию из-под действия палестинского мандата¹³, а в мае 1923-го Великобритания признала Трансиорданский эмират в качестве «независимого конституционного государства». Последние штрихи в этот государствообразующий процесс внесли саудовские ваххабиты: в 1925 году они, добившись отречения Али, еще одного сына шерифа Мекки, от престола владыки Хиджаза, окончательно изгнали Хашимитов с исторической родины – лишив Абдаллу последних надежд на возвращение домой. Вместе

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

10 Ibid. P. 14.

11 Ibid. P. 17.

12 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 19.

13 ABU NOWAR M. *The Development of Trans-Jordan 1929–1939: A History of the Hashemite Kingdom of Jordan*. Reading: Ithaca Press, 2006. P. 3.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

с тем мобилизованные трансирданским эмиром бедуинские племена – которым, надо сказать, оказывали содействие британские военно-воздушные силы – не только отбили неоднократные попытки последователей Ибн Сауда продвинуться севернее, но и отвоевали для новорожденного государства приграничные Маан и Акабу. Они были аннексированы и благополучно пребывают в составе Иордании до сих пор: саудиты не стали отвоевывать их назад отчасти из-за того, что англичане хотели ограничить саудовский экспансионизм западной частью хиджазских земель, оставив восточную часть под своим надзором. «Не заступившись за Хашимитов во время падения Хиджаза, британцы тем не менее гарантировали их династическое выживание в Трансиордании», – резюмирует историк¹⁴.

УКРОЩЕНИЕ БЕДУИНОВ, ДРУЖБА С СИОНИСТАМИ И ЖЕЛАННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Демографический профиль новорожденного государства поначалу был таким же зыбким, как и его границы. В 1922 году в Трансиордании проживали около 225 тысяч человек; это население делилось на оседлое и кочевое примерно поровну. С присоединением Маана и Акабы цифра выросла до 300 тысяч. (Численность иорданского населения «плавала» и дальше, что было обусловлено несколькими волнами беженцев, принимаемых страной в 1940–1990-е¹⁵.) Вместе с тем, в отличие от некоторых своих соседей, Трансиордания отличалась выдающейся этнической и религиозной гомогенностью. На долю арабов приходилось 94% населения, а следующей по численности этнической группой были черкесы, насчитывавшие 5%. В религиозном плане в стране выраженно преобладали мусульмане-сунниты, в то время как греко-православные и греко-католики совокупно составляли 10%¹⁶. Подобная однородность не только избавляла молодую страну от «сектантских» распрей – главным предметом споров здесь традиционно оставалась земля, а не религия или этничность, – но и обеспечивала ей запас прочности на будущее: именно в этом обстоятельстве не без основания можно усмотреть одну из причин того, почему в «арабскую весну» 2011–2012 годов иорданское королевство устояло, в то время как многие соседние государства рухнули.

¹⁴ ROBINS P. *Op. cit.* P. 28.

¹⁵ О том, как менялась этно-религиозная композиция иорданского общества с основания государства до наших дней, подробнее см.: WINCKLER O. *From Small Sheikdom to Over-Population* // KUMARASWAMY P.R. (Ed.). *The Palgrave Handbook of the Hashemite Kingdom of Jordan*. Singapore: Palgrave Macmillan, 2019. P. 29–47.

¹⁶ См.: MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 20. Об иорданских меньшинствах см. также: LANGLEY M.E. *Minorities* // KUMARASWAMY P.R. (Ed.). *Op. cit.* P. 69–79.

Местный социум представлял собой иерархически организованное племенное общество. На первых порах Абдалла, не оставлявший мечтаний о сирийском троне – новое владение рассматривалось им лишь как «аванпост для дальнейшего расширения Хашимитских земель» за счет Палестины или Сирии¹⁷, – пытался управлять, вообще не привлекая местных нотаблей и полагаясь исключительно на своих сподвижников из Хиджаза и английских чиновников на местах, но эта схема могла быть лишь временной. По мере того, как перспектива обретения сирийского трона делалась все более зыбкой, а Хиджаз вообще был потерян Хашимитами, владыка Трансиордании все основательнее опирался на здешних кочевников-бедуинов. Взаимопонимание с ними было достигнуто не сразу, ибо «в ранние годы бедуинские племена Трансиордании постоянно бунтовали и отвергали власть Абдаллы, а поскольку они отказывались платить налоги, их поселения разорялись правительственной кавалерией»¹⁸. Именно так, в частности, в 1923 году новоявленный эмират и поддерживавшие его англичане поступили с племенем аль-Адван, «одним из самых могущественных и воинственных»¹⁹. Постепенно, однако, контакт налаживался, а стороны приспособлялись друг к другу; в конечном счете, монархия, используя убеждение и принуждение, выстроила более или менее гармоничные отношения со своеобразными кочевниками.

«Позволяя своему кабинету административно управлять страной, Абдалла напрямую взаимодействовал с традиционными вождями на низовом уровне. Он старался, чтобы шейхи и нотабли знали о его желаниях и целях, деликатно убеждая их в том, что это их собственные желания и цели»²⁰.

К 1930 году из приблизительно 300 тысяч жителей страны кочевники-бедуины составляли около 140 тысяч. Новые государственные границы, появившиеся на карте Ближнего Востока после краха Османской империи, резко осложнили жизнь бедуинских племен, лишившихся одного из важнейших атрибутов своей жизни – свободы передвижения: «Они больше не могли игнорировать свои новые правительства в той же манере, в какой они игнорировали прежние власти в Стамбуле»²¹. Эта ситуация в свою очередь предъявляла новые требования и к правительствам: ограничение практики рейдерства, издавна распространенной в пустыне, требовало направить энергию

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

17 ROBINS P. *Op. cit.* P. 21.

18 YITZNAK R. *King Abdullah I* // KUMARASWAMY P.R. (Ed.). *Op. cit.* P. 217.

19 Эту характеристику см. в работе: АГАНИН А.Р. *Указ. соч.* С. 161.

20 АБУ NOWAR M. *Op. cit.* P. 6.

21 *Ibid.* P. 82.

бедуинов в более позитивное и безопасное для новоявленных властей русло. Надо сказать, что эмир Абдалла с этой задачей справился успешнее многих.

Поскольку вплоть до 1939 года британское казначейство покрывало треть всех государственных расходов, новоявленное государство не могло претендовать даже на подобие самостоятельности: англичане – к немалому раздражению властителя – долго отказывались называть его владения «эмиратом», но зато подобный уровень зависимости позволял им без стеснения вмешиваться не только в любые вопросы государственной жизни, но и в функционирование самого двора.

«Расходование каждого фунта из фондов, которые были определены [англичанами] на содержание эмира Абдаллы, подлежало одобрению британских властей. И, хотя властитель не страдал от дефицита престижа в собственных владениях, его политическая власть ограничивалась и сдерживалась нехваткой денег. Ведь даже то малое, что было в его распоряжении, контролировалось иностранцами»²².

Более того, авуары, которыми распоряжался эмир, отнюдь не увеличивались: всего за три года (1923–1926) персональные дотации, выделяемые ему британским комиссаром в Иерусалиме, были сокращены с 36 тысяч до 12 тысяч фунтов, то есть в три раза²³. Главная причина, по-видимому, заключалась в том, что «эмир пользовался национальным бюджетом как собственным кошельком, а его арабские министры не желали или не могли ограничить аппетиты своего патрона»²⁴. Какое-то время британский представитель в Аммане даже рассматривал возможность замены Абдаллы на Саида – еще одного сына плодовитого шерифа Мекки. В глазах колониальной администрации Абдалла долгое время оставался «ленивым, слабым и расточительным» правителем²⁵. Разумеется, помимо финансов, колонизаторы держали под своим неусыпным надзором и новорожденную трансйорданскую армию, так называемый Арабский легион, в 1923 году состоявший из 1300 бойцов, причем местные уроженцы составляли в нем всего 65%²⁶.

В феврале 1928 года был подписан англо-иорданский договор, надолго предопределивший пути конституционного развития Трансйордании. Согласно этому документу, Великобритания и впредь предстояло жестко контролировать внешнюю и оборонную политику ближневосточной страны, а также ее

22 Ibid. P. 71, 73.

23 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 21.

24 ROBINS P. *Op. cit.* P. 31.

25 Ibid. P. 22.

26 О происхождении и эволюции этого воинского формирования, не раз игравшего важнейшую роль в иорданской истории, см.: JEVON G. *The Arab Legion* // KUMARASWAMY P.R. (Ed.). *Op. cit.* P. 243–255.

коммуникации и финансы: по меткой формулировке историка Мэри Уилсон, «неравенство было прописано в каждой статье этого договора»²⁷. К немалому огорчению иорданской верхушки, английские чиновники не упустили случая подчеркнуть контраст между очевидным прогрессом государственного строительства в Ираке и столь же бесспорным отставанием Трансиордании. Тем не менее после подписания договора страна получала дополнительные бонусы: в частности, эмир радикально укреплял свою личную власть, его владениям предписывалось обзавестись собственной Конституцией, а иорданские земли навсегда получали иммунитет от сионистской колонизации²⁸. Впоследствии Органический закон Трансиордании, базовые положения которого вошли в упомянутый договор, был переработан в 1939-м и 1946 годах, послужив базой иорданской Конституции 1952 года. (Интересно, что в Органическом законе не было упоминания о том, что ислам является официальной религией нового государства.)

В свою очередь вступление этого государствообразующего акта в силу позволило учредить национальный Законодательный совет, состоявший из 21 члена: четырнадцать из них избирались, двое представляли бедуинские племена, не наделенные избирательными правами, а еще пятеро делегировались исполнительной властью. Оценивая деятельность этого учреждения, историки довольно заметно расходятся во мнениях: если местные специалисты считают появление парламента серьезным прорывом в общественном развитии страны, называя его «реальной политической силой»²⁹, то их зарубежные коллеги склонны видеть в нем не слишком значимую декорацию, посредством которой монарх иногда пугал англичан³⁰. Факты между тем делают вторую точку зрения более состоятельной: в своей последующей истории Иордания на протяжении целых десятилетий неплохо обходилась без парламента, который «замораживался» по велению короны, присваивавшей себе законотворческие полномочия. Впрочем, несмотря на все свое бессилие, в трансиорданском контексте Законодательный совет оставался единственной площадкой, на которой государству могли быть представлены запросы и пожелания иных социально-политических акторов, нарождавшихся в стране³¹.

На рубеже 1920-х и 1930-х по настоянию британской администрации Трансиордания провела аграрную реформу, имевшую глубочайшие социально-политические последствия. За-

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

27 WILSON M.C. *King Abdullah, Britain and the Making of Jordan*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 102.

28 ABU NOWAR M. *Op. cit.* P. 11.

29 *Ibid.* P. 22.

30 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 23.

31 ROBINS P. *Op. cit.* P. 42.

являя о желании создать в стране стабильный средний класс земельных собственников, англичане принудительно раздробили крупные надель, прежде находившиеся в коллективной собственности племен, и раздали их в частные руки. Преобразования изменили не только принципы землепользования, но и саму систему управления. В процессе передела в Трансиордании появилась небольшая группа по-настоящему крупных земельных магнатов в лице шейхов наиболее значимых племен, к которым в 1931-м присоединился и сам Абдалла – желая компенсировать эмиру огорчения, вызываемые постоянно сокращаемым довольствием, колониальные власти выделили ему в личную собственность обширные угодья. С появлением новой аграрной элиты, возглавляемой самим монархом, прежние коллективные права, на которых базировалась экономическая (и политическая) жизнь племен, были подорваны. В стране началось интенсивное формирование немногочисленной олигархии, лояльность которой надолго превратилась в главную гарантию благополучия Хашимитской монархии. Несмотря на то, что бедуинские племена официально превозносились и почитались, реальная власть оказалась в руках миниатюрной клики, вообще не нуждавшейся в демократических способах политической репрезентации и неизменно предпочитавшей силовые способы разрешения проблем. Это обстоятельство также помогает объяснить не только гипертрофированное пренебрежение к массовым формам политического волеизъявления, которое Иордания демонстрировала на протяжении последующих десятилетий, но и относительно недавний провал здешней «арабской весны».

Земельная реформа стала важной, но не единственной составляющей укрощения племенной периферии, без чего построить современное государство было нельзя. Потребность в упорядочении социально-экономических практик повлекла за собой корректировку традиционного кочевого быта. Полукочевые племенные конфедерации изначально воспринимались британской администрацией с немалым подозрением: «бедуины считались мародерами-беспредельщиками, чей разбой угрожал не только принципам верховенства права, но и мирным земледельцам, усердно обрабатывающим скудные орошаемые земли»³². Кочевое население надо было превратить в оседлое, не поссорив его при этом с короной и снабдив новыми источниками жизнеобеспечения. Как уже говорилось выше, видным шейхам в порядке компенсации за отказ от прежнего образа жизни были выданы земельные надель. Что же до рядовых членов племенных союзов, то

им трансйорданское государство предложило своеобразную программу трудоустройства, создавая новые силовые структуры. Так, в 1926 году была учреждена Трансйорданская пограничная служба, которая, с одной стороны, пресекала неупорядоченную циркуляцию населения между свежеепеченными государственными границами, а с другой стороны, превращала часть воинственных кочевников в дисциплинированных «бюджетников». Новое формирование координировало свою деятельность с Арабским легионом и британской армией. «Инкорпорация племенной периферии в государственные структуры, – отмечает Робинс, – устранила последнее социоэкономическое препятствие на пути консолидации государства в Трансйордании»³³. Иерархичность, элитаризм и герметичность стали главными признаками нарождавшейся структуры власти.

В 1930-е Абдалла начал более трезво оценивать фантастичность своих упований на престол «Великой Сирии», подрываемых не только немощью его государства, но и Хашимитской родней, обосновавшейся в соседнем Ираке и сполна пользовавшейся нефтяными богатствами этой страны. Но утверждение в Дамаске администрации режима Виши, состоявшееся в 1941 году, оживило его амбиции: в 1942–1944 годах владыка Аммана не раз выступал с новыми инициативами сирийско-йорданской интеграции. Из этих затей вновь ничего не вышло, но устремления, однако, никуда не делись – первому властителю Трансйордании по-прежнему было тесно в его маленьком царстве³⁴. Продолжая выдвигать разнообразные проекты панарабского объединения стран-соседей – под своим, разумеется, началом, – Абдалла с нарастающим воодушевлением присматривался к близлежащим территориям, которые примыкали к реке Йордан. В середине того же десятилетия он, проигнорировав негодование арабского мира, поддержал британский план раздела Палестины на еврейскую и арабскую части, предусматривавший передачу населенных арабами территорий под покровительство Трансйордании. Еще в 1921 году, во время самых первых переговоров с Уинстоном Черчиллем, возглавлявшим тогда Министерство по делам колоний, Абдалла упоминал о перспективе объединения Трансйордании и Палестины под скипетром одного арабского правителя. Теперь, правда, палестинские националисты категорически отказывались обсуждать раздел, но Абдалла руководствовался собственными целями, прагматично сотрудничая в их реализации

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

33 Ibid. P. 46.

34 Об интеграционных устремлениях Абдаллы подробнее см.: PORATH Y. *In Search of Arab Unity: 1930–1945*. London: Routledge, 2013; см. также: ЗАХАРОВ А., ИСАЕВ Л. *Бесконечная история: федерализм и арабская идея* // Неприкосновенный запас. 2021. № 5(139). С. 102–144.

даже с сионистскими организациями³⁵. Именно тогда были посеяны зерна того взаимного неприятия, которое не раз проявлялось в иорданской политике, а для самого эмира обернулось преждевременной кончиной – гибелью от рук палестинского террориста.

Начало Второй мировой войны отсрочило «палестинскую интригу» Абдаллы: его страна, как верный союзник Лондона, одной из первых официально вступила в конфликт с Германией. Впрочем, справедливости ради надо сказать, что вера в победу антигитлеровской коалиции утвердилась в сердце монарха не сразу: в первые месяцы сражений, как свидетельствует Робинс, «Абдалла был удручен развитием обстановки на фронтах – он всерьез сомневался, на ту ли лошадь поставил»³⁶. В ходе мобилизации колоний Трансиордании удалось укрепить свой военный потенциал: к 1945 году численность Арабского легиона, составлявшего костяк ее армии, увеличилась в четыре раза – до 7400 человек, а количество единиц техники выросло с 27 в 1937-м до 600 в 1943-м³⁷. Вместе с тем наращивание политического престижа шло гораздо хуже, поскольку послевоенная иорданская монархия сильно уступала в этом плане монархиям Ирака и Египта. Ощутимым ударом по устремлениям Абдаллы стало учреждение Лиги арабских государств: эмир надеялся, что это новое политическое объединение поможет воплотить его мечты о панарабской федерации «Плодородного полумесяца», но арабские политики категорически отказывались поступаться даже малой толикой суверенитета. «Семь голов просто засунули в один мешок», – так иорданский монарх позже охарактеризовал новоявленную Лигу³⁸.

Разочаровавшись в общеарабской интеграции, Абдалла после завершения войны сосредоточился на обретении своей страной полной независимости: к тому моменту архаичный статус его владения выглядел вопиющей аномалией – среди учредителей Лиги арабских государств Иордания была единственной страной, не обладавшей суверенитетом. К марту 1946 года, когда между Амманом и Лондоном был подписан договор «о вечном мире и дружбе», Иордания стала полноценным королевством. Впрочем, это была довольно удобная форма независимости, поскольку молодое государство продолжало жить на британские средства, а его безопасность обеспечивалась

35 Подробнее см.: ROVINS P. *Op. cit.* P. 49–54. «В отличие от прочих арабских националистов, ни сам Абдалла, ни Хашимиты в целом не испытывали никакой враждебности к сионистскому движению», – констатирует Ронен Ицхак (YITZHAK R. *Op. cit.* P. 218).

36 ROVINS P. *Op. cit.* P. 55–56.

37 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 26; ROVINS P. *Op. cit.* P. 58.

38 Цит. по: MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 27; подробнее см.: ЗАХАРОВ А., ИСАЕВ Л. *Указ. соч.*

британским военным присутствием, рассчитанным, согласно договору, на ближайшую четверть века. Указывая на эти факты, Советский Союз наложил вето на принятие Иордании в Организацию Объединенных Наций, причем парадоксальным образом с ним на первых порах солидаризировались и Соединенные Штаты Америки, чутко прислушивавшиеся к собственным сионистам, которые относились к Трансиордании более настоятельно, чем их палестинские единомышленники. Но если США все же установили дипломатические отношения с ново-рожденной страной в 1949 году, то советское вето оставалось в силе до 1955-го.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

«ЭФФЕКТ ФРАНЦА-ИОСИФА»

В послевоенный период Абдалла вернулся к продвижению проекта, который впервые был поддержан им в 1937 году: речь идет о разделе Палестины между евреями и арабами, в результате которого, как надеялся новоявленный король, его страна должна была обогатиться новыми землями. Амман находился в постоянном и неафишируемом контакте с еврейским руководством, поскольку без сионистской поддержки план был бы нереализуем. Иорданская линия радикально противоречила тому, на чем настаивали не только палестинцы, но и другие арабские государства, выступавшие против подобной сделки. Тем не менее предельное обострение арабо-еврейского конфликта, простимулированное состоявшимся в середине мая 1948 года уходом англичан из Палестины, все-таки втянуло Абдаллу в масштабное и вооруженное противостояние, которое ни ему лично, ни его государству было абсолютно не нужно. Когда 14–15 мая формирования Египта, Сирии и Ирака при поддержке добровольческой (и очень плохо подготовленной) Арабской освободительной армии вторглись в Палестину, именно Абдалла оказался их номинальным командующим: то была нарочитая попытка оживить дух Арабского восстания 1916 года, возглавляемого в свое время Хашимитами. Как хорошо известно, для арабов война не задалась; отряды только что провозглашенного Государства Израиль громили их повсеместно. Единственным воинским подразделением, доказавшим за несколько недель боев свою эффективность, стал иорданский Арабский легион, которому к завершению конфронтации удалось удержать в своих руках иерусалимский Старый город со всеми мусульманскими святынями³⁹, а также Хеврон на юге и Самарию на севере. Эти успехи очень помогли иорданцам в последующем терри-

39 О роли Иерусалима в иорданской политике см.: REITER Y. *Jerusalem: The Hashemite Quest for Legitimacy* // KUMARASWAMY P.R. (Ed.). *Op. cit.* P. 295–309.

ториальном торге: опираясь на успехи Арабского легиона, Абдалла I смог «легитимизировать и осуществить свои экспансионистские амбиции в Палестине»⁴⁰. Теперь он выступал в роли покровителя и защитника униженных израильтянами палестинцев, а его страна, которую «изначально воспринимали в качестве крошечной и слабой, теперь выглядела наиболее эффективной во всем арабском мире как в дипломатическом, так и в военном отношении»⁴¹.

В 1950 году Иордания узаконила свои палестинские приобретения, официально объявив об аннексии занимаемых ее войсками территорий, а парламент страны единодушно принял резолюцию об объединении Восточного и Западного берегов реки Иордан. Накануне судьбоносного голосования двор много сделал для того, чтобы эта акция предстала перед мировой общественностью не причудой амбициозной династии, традиционно озабоченной экспансионизмом, а удовлетворением давнего общенародного требования⁴². Если Великобритания признала инициативу Аммана незамедлительно, то Лига арабских государств обязала Абдаллу заявить, что унификация является временной и будет действовать только до полного освобождения Палестины. Практическим же следствием такого развития событий стала не только изоляция Хашимитского королевства в арабском мире, но и возникновение вечного для иорданской монархии «палестинского вопроса». Присоединив Западный берег, отличавшийся более передовым сельским хозяйством, страна выиграла экономически, но выигрыш был начисто съеден мощным потоком беженцев из только что провозглашенного Государства Израиль. К маю 1949 года число таких изгнанников составляло полмиллиона человек, а население национальной столицы выросло с 50 тысяч в 1948-м до 120 тысяч в 1950-м⁴³. Тем не менее те палестинцы, которые противились разделу своей исторической родины, ненавидели Абдаллу как его соучастника и исполнителя; в июле 1951 года один из таких возмущенных (и психически неуравновешенных) активистов застрелил короля прямо на ступенях мечети Аль-Акса, едва не убив заодно его внука – будущего короля Хусейна.

Однако прежде, чем Хусейн начал свое правление, продолжавшееся почти полвека, страну ждал краткий период междуцарствия, во время которого на престоле находился его отец Талал – старший сын Абдаллы⁴⁴. Новый монарх, страдавший

40 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 30.

41 ROBINS P. *Op. cit.* P. 62.

42 Ibid. P. 74.

43 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 31.

44 Детали династического перехода от Абдаллы к Хусейну, включая междуцарствие Талала, подробно освещаются в книге: SATLOFF R. *From Abdullah to Hussein: Jordan in Transition*. New York: Oxford University Press, 1994.

психическим заболеванием, царствовал менее года, причем его пребывание на троне было отмечено в 1952 году принятием нового Основного закона королевства. Документу были присущи две отличительные особенности: во-первых, он закреплял роль ислама в общественной жизни, подтвердив существование судов шариата со светской судебной системой; во-вторых, учреждал парламентскую форму правления с двухпалатной системой и довольно широкими полномочиями депутатского корпуса. Согласно Конституции, принятие нового законодательства требовало согласия обеих палат, первая из которых избиралась на основе всеобщего голосования мужского населения, а вторая назначалась монархом, причем депутаты даже могли отстранять от должности отдельных министров и отправлять в отставку правительство. (За последующие полвека подобное, однако, происходило в иорданской истории лишь дважды – несмотря на многочисленные полосы политической турбулентности.) Впрочем, полноценно опробовать работу представительных институтов стране так и не удалось: в 1952 году Талал, у которого начиналась шизофрения, отрекся от престола, передав власть своему юному сыну, не слишком ценившему всю эту парламентскую канитель. Справедливости ради надо сказать, что речь не шла о какой-то врожденной неприязни к ассамблеям и многопартийности – ведь, в конце концов, Хусейн получил английское образование, да и мать его была англичанкой; скорее здесь могучим образом проявил себя рациональный выбор, обусловленный крайне серьезными вызовами, с которыми 18-летний монарх начал сталкиваться с первых месяцев своего едва ли не бесконечного правления.

По-видимому, наиболее существенным из них стал подъем левого национализма, после египетской революции 1952 года затронувший почти весь арабский мир. В эйфории того времени «иорданская общественность, особенно в городах, в подавляющем большинстве симпатизировала Насеру»⁴⁵. На фоне харизматичного и популярного президента Египта неискушенный монарх Иордании казался политическим карликом, и отмеченные демонстрациями, бунтами и даже попыткой переворота 1953–1957 годы дались ему нелегко. Кроме того, на тот же период пришлась и иракская революция, с крайней жесткостью покончившая с багдадской ветвью Хашимитов. Тем не менее Хусейн устоял. Поначалу тактика маневрирования и лавирования, усвоенная им с первых дней правления, позволяла обходить острые углы, поодиночке разбираясь с врагами и точно подкупая клиентов. Потом, когда конвенциональные

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

45 ROBINS P. *Op. cit.* P. 99.

способы преодоления все новых и новых кризисов иссякли, Хусейн с 1957 года обратился к жесткой консолидации своего политического режима, распустив все политические партии, заморозив работу парламента, взяв под контроль прессу, изолировав оппозиционеров и подвергнув чистке силовые структуры. Легислатура и кабинет министров превратились в чисто совещательные учреждения, технически обслуживающие королевское окружение и лично венценосца. В итоге в Иордании на десятилетия утвердился выраженно персоналистский и типично авторитарный режим, главными опорами которого были королевский двор и вооруженные силы. Если первая из этих институций, вбирая в себя представителей правящей династии, знатных фамилий и племенных вождей, символизировала власть немногих, то вторая, известная под названием «Хашимитской арабской армии» и ассоциировавшаяся «в первую очередь персонально с монархом и лишь во вторую очередь – с государством»⁴⁶, цементировала олигархическое правление. Кроме того, армия играла ключевую роль и в самой легитимации иорданской государственности, лелея память об Арабском восстании 1916 года и бедуинской верности бывшим хозяевам Мекки и Медины⁴⁷. Оценивая способность Иордании к социально-политическому реформированию, ни в коем случае нельзя забывать о многолетнем бытовании в стране этой уродливой системы, радикально и всесторонне ограничивавшей всякое политическое участие. «Арабская весна» здесь отнюдь не случайно ограничилась незначительной оттепелью.

Вместе с тем рукотворный штиль во внутренней политике не избавлял молодого монарха от тревог и волнений. Неуклонное обострение в первой половине 1960-х арабо-израильских отношений, которое происходило на фоне мощного давления, оказываемого на Хусейна Египтом и Сирией, вовлекло его страну в очередной ненужный ей конфликт, причем снова с Израилем. В полном соответствии с ожиданиями реалистов и прагматиков в первые же часы Шестидневной войны 1967 года иорданская армия, на этот раз оказавшаяся далеко не на высоте, уступила войскам еврейского государства арабскую часть Иерусалима и весь Западный берег. С утратой этих территорий иорданская экономика потеряла 40% ВВП, почти 50% индустриальных мощностей и 25% орошаемых земель⁴⁸. Причем, помимо экономического шока и психологической травмы, иорданский монарх вынужден был иметь дело и с серьезнейшей угрозой своему правлению.

46 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 37.

47 О роли армии в системе иорданских государственных институтов см.: ALLISON J. *The Struggle for the State in Jordan: The Social Origins of Alliances in the Middle East*. London; New York: I.B. Tauris, 2016. Ch. 3.

48 ROBINS P. *Op. cit.* P. 131.

Проблема заключалась в том, что внешние неприятности на глазах превращались во внутренние вызовы. Дело не ограничивалось новыми потоками беженцев, хотя, разумеется, они дестабилизировали царство Хашимитов. Гораздо более серьезным в плане последствий оказалась вынужденная передислокация созданной в 1964 году Организации освобождения Палестины, в новой ситуации избравшей владения Хусейна в качестве главного форпоста своей непримиримой борьбы с Израилем. Израильская оккупация последних остатков исторической Палестины спровоцировала резкую радикализацию в рядах изгнанников. Массовый приток вооруженных палестинцев нервировал Амман, причем продление введенного в дни конфликта военного положения никак не сказалось на активности незваных гостей: в течение 1968 года палестинские партизаны фактически учредили на территории Иордании неподконтрольное местным властям «государство в государстве». Вылазки феодалов в Израиль не позволяли иорданскому правительству нормализовать отношения с Тель-Авивом, в чем оно нуждалось в силу экономических резонансов. Кроме того, палестинская «вольница» не могла не возбуждать остатки оппозиции внутри самой Иордании: палестинские радикалы, также пользовавшиеся местным гостеприимством – в частности, Народный фронт освобождения Палестины, – без стеснений призывали к свержению реакционных арабских монархий, включая, конечно, и иорданскую. Более умеренный и не согласный с этим Ясир Арафат не имел рычагов влияния на собственных экстремистов.

На протяжении нескольких лет в иорданском обществе углублялся раскол, сопровождавшийся взаимной ненавистью «своих» и «чужих»: как пишет Робинс, «если в глазах палестинцев трансирданцы были *al-hufa*, “босоногими”, или невежественной деревенщиной, то для трансирданцев палестинцы были трусами, в 1967-м бежавшими от израильтян, словно зайцы»⁴⁹. Нараставшее напряжение вылилось в короткую, но кровавую гражданскую войну осени 1970 года, в ходе которой режим Хусейна одержал безоговорочную победу. Иорданская армия, используя эффект внезапности, переиграла палестинцев повсюду, одновременно отразив все попытки помочь им извне: 12 тысяч иракских солдат, дислоцированных на территории Иордании, ушли домой сами, не сделав ни единого выстрела, а вторжение сирийской бронетанковой колонны, шедшей на помощь Арафату, было остановлено иорданцами – причем сирийцы в этом бою потеряли более половины своих танков. О готовности оказать помощь Амману заявили израильские власти,

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

49 Ibid. P. 134.

и, хотя дальше слов дело здесь не пошло, эти декларации ощути- тимо остудили пыл некоторых арабских союзников Органи- зации освобождения Палестины. Перемирие, установленное в октябре 1970 года при посредничестве египтян, не решило всех проблем, и поэтому через год противостояние вспыхнуло вновь, на этот раз завершившись окончательным изгнанием партизан. Совокупным же итогом гражданской смуты стало превращение конфликта между (пришлыми) палестинцами и (коренными) иорданцами в часть повседневной жизни:

«Хотя официально палестинское население и жители Восточного берега рассматривались в качестве “единой нации”, на деле на- следие гражданской войны вылилось в разнообразные практики дискриминации, сохраняющиеся и сегодня»⁵⁰.

По некоторым данным, палестинские беженцы и их потомки составляли к началу XXI века до 60% иорданского населения – такая пропорция, разумеется, остается причиной вечной голов- ной боли для местных политиков, в особенности если учесть, что палестинцы, по словам российского востоковеда Александ- ра Демченко, в отличие от бедуинов и черкесов, «никогда не считались абсолютно лояльными правящей династии». Но, хотя палестинское представительство в государственной админист- рации – и в особенности в силовых структурах – всегда оста- валось минимальным, независимая Иордания не мешала им завоевывать прочные позиции в бизнесе. Ближневосточный конфликт всегда оставался для них глубоко экзистенциальной темой, что едва ли не автоматически превращало их в социаль- ную опору местных исламистов, причем «не столько из инте- реса к политическому исламу, сколько потому, что им близок жесткий подход к Израилю»⁵¹. Эти факторы в последующие десятилетия иорданской истории еще не раз напомнят о себе.

В 1980-е Иордания пребывала в своеобразной политической спячке, обусловленной бесконечным продлением военного положения и эффективной работой репрессивного аппарата. Вместе с тем стагнация конвенциональной политики обра- чивалась зарождением новых форм политического действия, в которых ключевую роль начали играть негосударственные организации – в первую очередь студенческие и профессио- нальные объединения, а также религиозные группировки во главе с «Братьями-мусульманами». Режим, впрочем, тоже не дремал: именно в то время в уставах некоммерческих органи- заций в массовом порядке утвердилась норма, в соответствии

50 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 44–45.

51 См.: ДЕМЧЕНКО А.В. *Затянувшаяся «весна» в Иордании // Системный мониторинг глобальных и регио- нальных рисков. Арабский мир после Арабской весны / Под ред. А.В. КОРОТАЕВА, Л.М. ИСАЕВА, А.Р. ШИШ- КИНОЙ. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 85–106.*

с которой их ежегодные конференции, съезды и собрания обретают правомочность только в том случае, если на мероприятии официально присутствует сотрудник госбезопасности (*Mukhabarat*)⁵². В 1986 году, после студенческих беспорядков в государственном Университете Ярмук, вызванных повышением платы за обучение, король вынес на рассмотрение парламента новое электоральное законодательство. Хотя оно впервые наделяло избирательными правами иорданских женщин, сохранявшийся запрет на деятельность всех политических партий делал новации бессмысленными. Внешние и внутренние наблюдатели, однако, усмотрели в этой инициативе намек на возможный запуск – когда-нибудь в будущем – долгожданных реформ. «Успокоительный» эффект этой меры в 1988 году был дополнен беспрецедентным решением Хусейна отказаться от всяких юридических притязаний на Западный берег реки Иордан и арабскую часть Иерусалима, выдвинутых королевством в 1950-м. Несмотря на неоднозначные последствия – 20 тысяч гражданских служащих Западного берега в одночасье потеряли работу, а остальные его жители лишились прав на иорданское гражданство, – это был важный жест: король тем самым косвенно заявлял, что навсегда отказывается от намерения представлять на международной арене палестинцев и передает это право получавшей все более широкое признание Организации освобождения Палестины. Непосредственным политическим итогом демарша стало примирение иорданцев и палестинцев; иначе говоря, дипломатический акт иорданского монарха еще более «подморозил» его страну, ослабив давний источник внутренней дестабилизации.

Тем не менее социальный капитал всех этих мероприятий был растрочен чрезвычайно быстро; произошло это из-за экономического кризиса, обрушившегося на Иорданию в конце 1980-х и вылившегося в разгул инфляции и рост безработицы. В 1988 году всего за полгода иорданский динар потерял почти четверть своей стоимости, и правительство вынуждено было объявить о дефолте по внешним долгам. Поскольку щедрость богатых соседей приучила местную элиту жить не по средствам, к тому моменту иностранные заимствования королевства, рассчитанные на душу населения, были самыми большими в мире⁵³. Обращение за помощью к МВФ повлекло за собой применение шоковых мер, закономерным образом спровоцировавших первые за много лет серьезные протесты. Весной 1989 года массовые волнения вспыхнули на юге страны – в тех городах, которые традиционно считались оплотами Хашимитского люлизма. «Не бросая открытого вызова режиму, протестующие

52 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 45.

53 ROBINS P. *Op. cit.* P. 176.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

тем не менее выражали глухое недовольство деятельностью монарха, который, как считали многие, глух к народным чаяниям»⁵⁴. Требование масштабных политических реформ, с которыми люди выходили на улицы в Маане, Караке и Тафиле, было для Иордании беспрецедентным; однако, реагируя на народное возмущение, власти повели себя довольно мягко, и это было не удивительно. Если бы ареной возмущения стали палестинские кварталы столицы или лагеря беженцев, реакция государства была бы совсем иной. Но тут зачинщиками протестов выступили «свои» – те социальные группы, на которые режим рассчитывал и которые старался поощрять. Власти незамедлительно поняли, что «в протестах отразилась не только озабоченность экономическим кризисом, с которым столкнулась страна, но и убеждение многих коренных трансирданцев в том, что они превращаются в уязвимое меньшинство в собственной стране»⁵⁵. Подъем рождаемости среди палестинского населения обеспечивал не только паритет двух ключевых групп иорданского общества, но и неминуемое в будущем численное превосходство «пришлых» над «местными»; тому же способствовала иммиграция и исторически укорененное доминирование палестинцев в некоторых сферах экономики. Иначе говоря, протестуя против родной власти, трансирданцы (восточные иорданцы) требовали политических и конституционных гарантий собственного выживания в будущем – и получили их. Как и следовало ожидать, монарх отнесся к народному волеизъявлению вполне по-отечески: он лично увещевал толпы, выходя к людям на улицах, что не могло не произвести впечатления на манифестантов. В конце концов, не будем забывать, что родословная Хашимитов идет от самого Пророка.

В принципе, события 1989 года можно считать своеобразной репетицией «арабской весны», пришедшей в Иорданию через два десятилетия. Дело в том, что любые проявления социального протеста в этой стране неизбежно несут на себе отпечаток глубочайшего и непреодолимого размежевания внутри иорданского общества, о котором говорилось выше. Наличие «палестинской проблемы» и достижение палестинцами паритета с коренными жителями автоматически снижают градус противостояния режиму и девальвируют протестные настроения. Если, предположим, суннитское население в Сирии без труда могло массово сплотиться против алавитского режима аль-Асада, а в Ливии Джамахирия полковника Каддафи, до предела надоевшая всем, с такой же легкостью настроила против себя почти все национальное сообщество, то в социуме, устроенном по принципу «50 на 50», подобное крайнее ожес-

⁵⁴ Ibid. P. 180.

⁵⁵ MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 48.

точение недостижимо технически. Всякий более или менее масштабный протест здесь будет разворачиваться с оглядкой: власть, конечно, может вызывать крайнее негодование – как, например, иорданское государство традиционно возмущает даже лояльных граждан своей невероятной коррумпированностью, – но слишком жестоко обрушиваться на нее нельзя. Издержки, вызванные ослаблением режима, могут оказаться хуже его пороков. Разумеется, властители, которым посчастливилось править в подобных ситуациях, этим пользуются.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

**В социуме, устроенном по принципу «50 на 50»,
крайнее ожесточение недостижимо технически.
Всякий более или менее масштабный протест здесь
будет разворачиваться с оглядкой: власть, конечно,
может вызывать крайнее негодование, но слишком
жестоко обрушиваться на нее нельзя. Издержки,
вызванные ослаблением режима, могут оказаться
хуже его пороков.**

Еще одним специфическим фактором, делавшим иорданские протесты последних десятилетий особенным процессом, можно считать ресурсную бедность страны. По сравнению с другими государствами региона здесь потенциальный приз в борьбе за власть всегда выглядел довольно скромно. Действительно, в 1970–1980-е благодаря дружественным отношениям с Саудовской Аравией и, особенно, с Ираком – исторические обиды, нанесенные Хашимитам обеими этими державами, к тому времени были полностью забыты – «Иордания начала приобретать атрибуты “нефтяной экономики”, самостоятельно не производя ни капли нефти»⁵⁶. Особый вклад в это превращение вносил баасистский Ирак, лидер которого не только поддерживал экономику соседнего государства (в конце 1980-х 75% иорданского экспорта предназначались Ираку), но и с 1976 года безвозмездно выделял крупные суммы денег лично своему «другу», королю Хусейну. Тем не менее, даже несмотря на эти странные отношения, которые Робинс иронично называет «дружбой крестьянина и патриция»⁵⁷ и которые сначала заставили Хусейна пылко поддержать Саддама Хусейна в его войне с революционным Ираном, а потом отказаться помогать американцам в освобождении Кувейта, суть дела оставалась преж-

⁵⁶ ROBINS P. *Op. cit.* P. 150.

⁵⁷ *Ibid.* P. 160.

ней: любая потенциальная оппозиция в этой стране не могла не понимать, что слишком многого от обретения власти она не получит. Далее, поскольку в подобных условиях благосостояние страны зависело не столько от предпринимательской активности, сколько от умения монарха договариваться с великодушными партнерами, главным генератором общественного благосостояния выступала сама корона. Отсюда в свою очередь проистекали два следствия, помогавшие заглушать протестные настроения: во-первых, в стране всегда было много бюджетников, которые во всем мире являются «охранителями поневоле», а во-вторых, степень государственного вмешательства в экономику всегда была очень высокой.

Урегулировав кризис и предвосхищая грядущую политическую оттепель, Хусейн инициировал внесение поправок в электоральное законодательство: согласно новациям, норма парламентского представительства в стране менялась в пользу округов, расположенных в селах и маленьких городах, где проживало подавляющее большинство коренных трансирданцев. Палестинцы же, жившие в крупных городах, включая столицу, этой мерой ощутимо – хотя и вполне законно – ущемлялись. Именно на таком фоне престол объявил о проведении первых за 22 года более или менее полноценных парламентских выборов, назначенных на осень 1989-го. Заявка на либерализацию, однако, была воспринята экспертами с понятным скептицизмом: учитывая олигархическую природу иорданской государственности, многие считали пределом возможного «фасадную демократию», ничего не меняющую по существу. Тем не менее выборы прошли на подъеме, вопреки даже тому, что политические партии были от них отстранены, явка составила более 70%. Несмотря на то, что из восьмидесяти мест в парламенте 34 достались исламистам, ассоциировавшимся с «Братьями-мусульманами», у монархии не было повода для тревог, поскольку за королем сохранялось право в любой момент распустить представительное учреждение. Осознавая прочность своего положения, власти после голосования предприняли ряд либеральных реверансов, адресованных обществу: во-первых, правительство объявило, что оно отказывается от позорной практики предварительного «просвечивания» спецслужбами всех соискателей, претендующих на должности в государственных структурах; во-вторых, была обнародована директива, предписывавшая восстановить на работе тех государственных служащих, которые были уволены из-за политической активности; в-третьих, по инициативе монарха началась работа над Национальной хартией – своеобразным общественным договором, который в перспективе позволил бы стране вернуться к плюралистичной, демократической, партиципаторной поли-

тике, за полвека основательно подзабытой⁵⁸. Престиж правящего режима внутри иорданского социума парадоксальным образом еще более укрепился благодаря акту, в котором большинство наблюдателей (и инвесторов) увидели очевидный внешнеполитический провал – а именно, категорическому отказу Хусейна поддержать военную операцию по освобождению Кувейта от иракской оккупации. Несмотря на огромные экономические потери и едва ли не полную изоляцию в арабском мире, авторитет короля, отказавшегося идти в ногу с американцами, сильно вырос в глазах его подданных. В 1992 году монарха, возвращавшегося на родину после очередного курса лечения в американской онкологической клинике, спонтанно встречали ликующие толпы из сотен тысяч иорданцев.

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

**На руку королю работал и феномен, который
специалисты называют «эффектом Франца-Иосифа»:
после 46 лет правления его предстоящий уход
представлялся чем-то невообразимым или даже
катастрофическим, что явно укрепляло социальную
сплоченность.**

В 1991 году монархия, реализуя новый курс, санкционировала процесс образования и регистрации иорданских политических партий, запретив им получать финансовую и иную помощь из-за рубежа. Вскоре после этого было отменено военное положение, действовавшее в стране с 1967 года – почти четверть века. На 1992 год были запланированы первые за десятилетия многопартийные выборы. Обновление нарезки избирательных округов, ставшее следствием протестного движения 1989 года, дало свои результаты: в ходе избрания нового созыва парламента мусульманская оппозиция, объединенная в Исламский фронт действия, потеряла почти половину прежних мандатов, хотя и осталась крупнейшей фракцией в составе шестнадцати депутатов. Тот же алгоритм сработал и в 2003-м, уже при новом монархе Абдалле II. До своей кончины от рака в 1999 году король-ветеран Хусейн, вполне удовлетворенный итогами произведенного им «умиротворения» иорданского социума, больше не вспоминал о демократических реформах: в последние годы его жизни в стране возобновилось давление на прессу, профсоюзы, гражданские организации. На руку королю работал и феномен, который специалисты называют

58 Ibid. P. 183–187.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

«эффектом Франца-Иосифа»: после 46 лет правления его предстоящий уход представлялся чем-то невообразимым или даже катастрофическим, что явно укрепляло социальную сплоченность⁵⁹. Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что, даже несмотря на это, Иордании было очень и очень далеко до стандартов «полицейского государства», функционировавшего в ту пору в Сирии или в Ираке. Король Хусейн, например, преследуя исламских радикалов, не позволял их казнить, не желая создавать мучеников, – подобной осмотрительностью, надо сказать, отличались далеко не все его соседи.

НАВСТРЕЧУ «АРАБСКОЙ ВЕСНЕ»

Так или иначе, но даже едва слышных намеков на реформы было достаточно для того, чтобы «в начале 1990-х Иордания часто упоминалась в качестве наиболее вдохновляющего примера демократизации в ближневосточном регионе»⁶⁰. Смена власти поначалу укрепила этот имидж. Передовая часть населения, с энтузиазмом поддерживавшая молодого и динамичного лидера, надеялась, что он вернет к жизни программу либерализации, инициированную Хусейном, а потом им же и свернутую. Особые надежды на «новую Иорданию» возлагали молодые профессионалы, составлявшие в местном обществе довольно солидную страту. Более широкие массы граждан ожидали очистительной борьбы с коррупцией, поскольку в их глазах к моменту воцарения нового государя «престол был основательно запятнан своей ассоциацией с крошечной группой лиц, обслуживающей исключительно своекорыстные интересы»⁶¹.

Пытаясь соответствовать этим чаяниям, в 2002 году новый король выдвинул государственную доктрину «Иордания превыше всего». Одновременно цель престола заключалась в том, чтобы минимизировать то негативное влияние, которое на внутривнутриполитическую ситуацию оказывали палестино-израильское противостояние и иракский кризис. Отчасти это действительно удалось сделать. К концу 2000-х Абдалла II заметно преуспел в избавлении себя от влияния не чувствовавшей перемены «старой гвардии», сплоченной его отцом, но на серьезные преобразования он так и не решился:

«Хотя в обществе довольно громко звучала критика нарушений прав человека и электоральных махинаций, а также имелось ощущение избыточного присутствия силовых структур в социальной

59 Ibid. P. 210.

60 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 56.

61 ROBINS P. *Op. cit.* P. 217.

жизни, сохранялось так же и признание того, что в нестабильном регионе, которому постоянно угрожает терроризм, невозможно защитить государство, не обращаясь к драконовским мерам»⁶².

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

При подобном общественном настроении ни у оппозиции, ни у демократии не было особых шансов. И действительно, на парламентских выборах 2007 года Исламский фронт действия смог завоевать всего лишь шесть мандатов, продемонстрировав наихудший результат с самого «размораживания» многопартийности. Этому не стоит удивляться: благодаря манипуляциям с округами в больших городах типа Аммана с их «проблемным» электоратом на каждого законодателя приходилось 95 тысяч избирателей, в то время как в прорежимной глубинке каждый законодатель представлял около 2 тысяч избирателей. Хотя такая линия помогала минимизировать политический потенциал палестинских избирателей, сосредоточенных в основном в городских районах, справиться со всеми проблемами, стоящими перед страной, она явно не позволяла. В итоге в ноябре 2009 года монарх распустил парламент, проработавший лишь половину срока, а через две недели отправил в отставку и кабинет министров. Комментаторы объясняли решение Абдаллы II низовой критикой его социально-экономической политики, дефекты которой усугублялись мировым финансовым кризисом, начавшимся в 2008-м. Однако перемены в высших эшелонах власти вовсе не были прологом радикальных преобразований; предпринимая очередную перетасовку в верхах, король лишь успокаивал недовольных, не замахиваясь на что-то более серьезное. На протяжении всей истории страны иорданские элиты исходили из того, что не надо ремонтировать машину, которая еще не сломалась, – именно это правило использовалось и на этот раз. Тем не менее на первых порах перемены в парламенте и правительстве были положительно восприняты оппозицией, в том числе и исламистами.

Оптимизм, однако, продержался недолго: уже к маю 2010 года очередное обновление избирательного законодательства составило все по своим местам. Иорданцам предлагалось руководствоваться вполне демократическим принципом «один человек – один голос», который в условиях запредельно кланового общества оборачивался тем, что избиратели, пренебрегая партиями и их программами, отдавали предпочтения представителям «своих» кланов и племен. Увеличив численность парламента со 110 до 120 депутатов, власти предусмотрели систему квот от «общественных организаций», стабильно поддерживавших корону: гарантированные места резервировались за

62 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.* P. 61.

женскими, этническими и конфессиональными объединениями (представительство женщин, например, увеличилось вдвое: с шести до двенадцати мандатов; иорданские христиане получили девять гарантированных кресел, а северокавказские черкесы – три кресла). Все эти манипуляции наряду с неравными нормами представительства для города и деревни, о которых говорилось выше, обеспечили ожидаемые властями результаты. Впервые сложившаяся в Иордании коалиция оппозиционных партий – в нее вошли Демократическая народная партия, Иорданская баасистская партия, Коммунистическая партия Иордании и Партия национального единства, – выставив восемь кандидатов, сумела провести в парламентарии лишь одного представителя. Похожая ситуация складывалась и с исламистами: из семерки их претендентов мандат получил тоже лишь один, да и то потому, что баллотировался в качестве независимого. Вполне можно было понять пресс-секретаря «Братьев-мусульман», который, комментируя эти выборы, раздраженно заявил: «Это не провал политических партий, это провал демократии и политической реформы»⁶³. Кроме того, наблюдатели обратили внимание и на резкое – в два раза – сокращение числа депутатов-палестинцев, которых и раньше-то было не более 20%, несмотря на внушительную пропорцию выходцев из Палестины в иорданском обществе. Оценивая все эти результаты *post factum*, вполне можно сказать, что корона перестаралась: Палата представителей, которой вскоре предстояло встречать «арабскую весну», оказалась слишком ручной и слишком одноцветной. Оппозиция, которую вытолкнули из парламента на улицу, в начале 2011 года с энтузиазмом примкнула к протестному движению. Кстати, аналогичная история синхронным образом разворачивалась и в Египте: здешние парламентские выборы, состоявшиеся почти одновременно с иорданскими, точно так же дезактивировали легальную исламистскую оппозицию и способствовали тем самым вовлечению исламистов в революционные процессы⁶⁴.

Первые протесты в Иордании начались 22 января 2011 года, сразу после того, как стало известно об отставке и бегстве тунисского президента Бен Али. Главным требованием вышедших на улицы людей стала широкая конституционная реформа, ограничивающая полномочия короля и расширяющая prerogatives парламента. Как и следовало ожидать, протестующие возмущались ростом цен на топливо и продукты, а также высокой инфляцией. В отличие от некоторых других арабских правителей той поры, в частности, от короля Марокко, иорданский

63 Цит. по: Демченко А.В. *Иордания* // Россия и мусульманский мир. 2014. № 9. С. 153.

64 Подробнее см.: Шишкина А.Р., Исаев Л.М. *Египетская смута XXI века*. М.: Либроком, 2012.

монарх в дни протестов обнаружил крайнюю неуступчивость, особенно в плане коренного пересмотра Конституции. По мнению специалистов, объяснялось это не столько нежеланием делиться властью с парламентом, сколько опасениями, что форсированные реформы в стране, отмеченной крайней немощью политических партий и острым соперничеством палестинского и бедуинского населения, могут обернуться катастрофой⁶⁵. Тем не менее иорданские власти сразу же постарались удовлетворить если не политические, то хотя бы социально-экономические требования протестующих. «Арабская весна началась не из-за политики, – убеждал монарх своих подданных и не только их. – Она началась из-за экономики, бедности и безработицы»⁶⁶. Старое правительство, объявленное неэффективным, было отправлено королем в отставку, а новое немедленно выделило около полумиллиарда американских долларов на повышение зарплат государственных служащих, а также субсидирование цен на топливо и двенадцати социально значимых товаров. Проведению экстренных мер очень помогла финансовая помощь в размере 1,6 миллиарда долларов США, предоставленная королевству монархиями Персидского залива. Более того, в состав нового кабинета пригласили и исламистов, но они ответили на это предложение отказом⁶⁷.

Однако бунтующая улица посчитала финансовые меры властей недостаточными и недальновидными; кроме того, протестующие полагали, что силовики, поставленные Абдаллой во главе нового кабинета, просто в силу своей ментальной ограниченности ничего не смогут реформировать. Наряду с правительством досталось и парламенту, который после избрания в 2010 году чуть ли не единогласно оказал доверие тому самому составу кабинета, который теперь был разогнан королем за неумение работать. Пестрая, но быстро консолидировавшаяся оппозиция требовала внедрить в Конституцию нормы, повышающие ответственность правительства перед парламентом, а также предусмотреть формирование кабинета министров не монархом, а парламентскими партиями. Иными словами, недобвольные настаивали на превращении формальной конституционной монархии в реальную. Важно подчеркнуть, что одним из отличий иорданских протестов 2011 года от похожих событий в республиканских государствах стало то, что местные оппозиционеры совсем не ставили под сомнение саму монархическую

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

65 См.: Демченко А.В. *Затянувшаяся «весна» в Иордании*.

66 King to «The Washington Post»: *Political Reform Cannot Be Realized without Economic Reform* (<https://kingabdullah.jo/en/news/king-washington-post-political-reform-cannot-be-realised-without-economic-reform>).

67 Крылов А.В. *Особенности демократических реформ в Иордании* // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 2(29). С. 117–118. Подробнее об исламском факторе в иорданской политике см.: WAGEMAKERS J. *Muslim Brotherhood and Salafism* // KUMARASWAMY P. R. (Ed.). *Op. cit.* P. 257–276.

систему; они вели речь не о смещении Хашимитской династии, а лишь о существенном сокращении ее полномочий и придании престолу по большей части церемониальных и символических функций. Активисты «иорданской весны» без устали повторяли, что Иордания не Египет, а их самих интересует не смена режима, а политические реформы. Как заявлял в разгар протестов один из лидеров Фронта исламского действия, «мы признаем и подтверждаем легитимность Хашимитов»⁶⁸. В то же самое время фундамент монархии пытались укрепить лоялисты, хотя они и делали это по-своему. Представители консервативных элит Восточной Иордании, вообще не желавшие перемен, во время протестов адресовали Абдалле II петицию, в которой подвергли жесткой критике его супругу, королеву Ранию, выразив недовольство как ее палестинским происхождением, так и общественной деятельностью, противоречащей, по их мнению, «патриархальным ценностям пустыни» и способствующей укреплению влияния палестинцев. При этом авторы обращения подчеркивали, что игнорирование их предупреждений может привести Иорданию к таким же событиям, какие случились в Тунисе и Египте.

«Реакцию руководства страны на действия оппозиции можно охарактеризовать как сдержанную, осторожную и отчасти компромиссную. Активно обсуждая вопросы, связанные с социальной сферой и борьбой с коррупцией, власти старались не заострять внимания на требованиях оппозиции по поводу изменения Конституции, ограничиваясь обещанием пересмотреть закон о выборах, повысить роль партий, содействовать развитию свободных СМИ и гражданского общества»⁶⁹.

Тем не менее отделаться просто декларациями и полумерами в сложившейся на тот момент ситуации было невозможно. Согласно королевскому решению, 15 марта 2011 года был создан Национальный комитет по диалогу, в который вошли 52 представителя общественно-политических кругов: оппозиционеры, общественники, представители профсоюзов, ученые и правозащитники. Возглавил новый орган спикер сената. Властям, однако, не удалось привлечь к участию в комитетской работе исламистов, которые уличили новое учреждение в избыточной лояльности королю: демонстрируя немалую пронциательность, те заявили, что комитет создается сугубо для того, чтобы позволить властям обойтись без серьезных уступок протестующим, а несущественные законодательные новшества изобразить в качестве итога широкого общественно-политического диалога.

68 Цит. по: *Islamists, State Open Dialogue in Jordan* // Emirates247.com. 2011. January 31 (www.emirates247.com/news/world/islamists-state-open-dialogue-in-jordan-2011-01-31-1.349590).

69 Демченко А. В. *Затянувшаяся «весна» в Иордании*. С. 94.

Через полтора месяца, 26 апреля 2011 года, Абдалла II образовал Королевский комитет по пересмотру Конституции, вскоре представивший свой проект поправок в Основной закон. Среди прочего они предполагали создание Конституционного суда, функции которого ранее выполнял Верховный суд во главе со спикером сената. Также было решено создать независимую Центральную избирательную комиссию для наблюдения за выборами, отобрав эту важнейшую функцию у Министерства внутренних дел. Далее монарх предложил снизить минимальный возраст членов парламента с 30 до 25 лет, запретить правительству принимать законы в период, когда парламент распущен, а также ограничить собственное право досрочно прекращать полномочия членов нижней палаты. В соответствии с новыми правилами в случае роспуска нижней палаты правительство автоматически тоже отправлялось в отставку. Помимо обновления Конституции, власти пообещали более ответственно относиться к правам человека, предусмотрев ужесточение уголовной ответственности за посягательство на свободы граждан и их частную жизнь. «В некоторых странах мы продолжаем наблюдать одну революцию за другой, а успокоения все нет, – говорил Абдалла II. – Но здесь, в Иордании, нас больше интересует эволюция»⁷⁰. Спустя полгода после выдвижения всех этих инициатив предложенные Королевским комитетом новации были одобрены парламентом и приняты монархом, подведя тем самым черту под конституционной реформой. Ее главный итог был очевиден: широкие полномочия трона сохранились практически в неприкосновенности, а изменения политической системы остались символическими и декоративными. Основным выгодоприобретателем от такого исхода были, разумеется, «коренные» иорданцы Восточного берега.

Впрочем, справедливости ради стоит сказать, что некоторые издержки неуступчивая королевская власть все-таки понесла. После реконструкции Основного закона иорданские оппозиционеры все смелее и громче начали высказывать претензии в адрес самого Абдаллы II, что в иорданском контексте было чем-то почти неслыханным; при этом выпады в адрес первого лица «варьировались от обвинений в нежелании проводить реформы для установления в стране реальной, а не декларативной, с точки зрения оппозиции, конституционной монархии, до намеков на возможность отстранения правителя от власти за его неспособность проводить реформы»⁷¹. Такой тренд, однако, не получил особого развития; персональные

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

70 King Abdullah: Jordan Needs Stable «Middle Class» // National Public Radio. 2011. September 22 (www.npr.org/2011/09/22/140670554/king-abdullah-jordan-needs-stable-middle-class).

71 Демченко А.В. *Затянувшаяся «весна» в Иордании*. С. 97.

атаки на венценосца не были поддержаны большей частью оппозиционеров и не нашли понимания в массах. Исследователи не раз отмечали, что для Иордании, в отличие от большинства ее соседей, события «арабской весны» не стали судьбоносными и роковыми: здешние недовольные в большинстве своем, выходя на улицы, требовали перемен в управлении государством, но не настаивали на смещении монарха или упразднении устоявшегося режима. А это резервировало за иорданскими элитами широкий простор для маневрирования и подмены реальных преобразований косметическими реформами: королю была доступна такая широкая гибкость в диалоге с протестующими, какой никогда не располагали ни Хосни Мубарак в Египте, ни Зин аль-Абидин Бен Али в Тунисе, ни Муаммар Каддафи в Ливии⁷². Власти же в свою очередь активно поддерживали легенду о том, что в «иорданской весне» погиб лишь один человек, да и тот умер от сердечного приступа, а Абдалла II, указывая на безудержное кровопролитие в соседней Сирии, не раз повторял, что он скорее отречется от престола, чем прикажет стрелять в свой народ⁷³.

С одной стороны, насилия действительно было относительно мало; но, с другой стороны, власти просто не видели в нем необходимости, поскольку значительные сегменты протестного движения типа, например, Национального комитета отставных военных или Национального профсоюза учителей, представляли вполне умеренных лоялистов. В результате «король Абдалла II отреагировал на протесты 2011–2012 годов политическими и экономическими уступками, оставив саму государственную систему в неприкосновенности»⁷⁴. При этом, правда, Иордании удалось избежать и классической «арабской зимы», в ходе которой в некоторых странах главными бенефициарами протестного движения оказались исламисты, довольно быстро блокировавшие любые надежды на демократизацию⁷⁵. Здешние «Братья-мусульмане», на протяжении нескольких десятилетий испытывавшие на себе железную руку короля Хусейна, весной 2011 года на улицах почти не появлялись. Точнее говоря, рутинно проводя свои пятничные акции с участие не более пяти тысяч человек, они старались не смешиваться с иными группами манифестантов. Кроме того, наблюдатели обращали внимание и на то, что палестинские общественные организа-

72 См.: Малков С.Ю., Коротаев А.В., Исаев Л.М., Кузьминова Е.В. *О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт качественного анализа событий Арабской весны* // Полис. 2013. № 4. С. 137–163; Труевцев К.М. *Год 2011 – новая демократическая волна?* М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011.

73 ROVINS P. *Op. cit.* P. 221–222.

74 TETI A., ABBOTT P., SAVATORTA F. *The Arab Uprisings in Egypt, Jordan and Tunisia: Social, Political and Economic Transformations*. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. P. 3.

75 См.: FELDMAN N. *The Arab Winter: A Tragedy*. Princeton: Princeton University Press, 2020.

ции поддержали «иорданскую весну» сдержанно, если не сказать вяло⁷⁶.

Слабость профсоюзов, которые в Иордании немногочисленны и неопытны, поскольку не имеют за плечами долгой истории, а также апатичность гражданского общества, сосредоточенного не на решении политических вопросов, а на предоставлении различных услуг, позволили режиму в очередной раз с выгодой для себя противопоставить «коренных» жителей «пришлому» населению. В то время как первым, предки которых обитали на территории иорданского государства с самого его образования, всегда предоставлялись особые возможности для трудоустройства в административном аппарате или силовых структурах, для вторых, среди которых преобладали изгнанники из Палестины, ничего подобного не было. Даже обладая заметным влиянием в бизнесе, палестинцы с трудом его реализуют, поскольку местное электоральное законодательство, как уже отмечалось, устроено так, что норма представительства искажена в пользу сельской местности, где живут «коренные», ущемляя городские агломерации, где обосновались «пришлые». Для страны, в которой беженцы составляют 17% населения, это весьма важный фактор⁷⁷.

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

ИЗ ВЧЕРА В ЗАВТРА И ОБРАТНО

В Иордании, как и в прочих странах «арабской весны», «люди, принявшие участие в протестах или просто поддержавшие их, имели разнообразный социально-экономический бэкграунд и разделяли различные политические устремления»⁷⁸. Тем не менее заботы и чаяния, волновавшие иорданцев, заметно отличались от тех требований, с которыми на улицы своих городов выходили, скажем, египтяне или тунисцы. Кроме того, в Иордании уровень распространения протестных сантиментов был не столь широким: согласно постреволюционным социологическим опросам, если в здешних демонстрациях 2011 года принимал участие лишь каждый двадцатый гражданин старше восемнадцати лет, то в Египте – каждый десятый, а в Тунисе – каждый четвертый. Иначе говоря, иорданская молодежь не была движущей силой протестов – поколенческий состав недовольных здесь был более разнородным, чем, скажем, в Тунисе. Более того, политическая составляющая протестных лозунгов,

76 См.: ACHILLI L. *The Deep Play: Ethnicity, the Hashemite Monarchy and the Arab Spring in Jordan* // MAGGIOLINI P., OUANES I. (Eds.). *Minorities and State-Building in the Middle East: The Case of Jordan*. Cham: Palgrave Macmillan, 2021. P. 151–173.

77 ТЕТТ А., АББОТТ Р., САВАТОРТА Ф. *Op. cit.* P. 10.

78 *Ibid.* P. 29.

как уже отмечалось, звучала глуше, чем в других местах. Если в Иордании экономические проблемы выступали главной причиной народного возмущения по мнению 63,7% опрошенных, то в Египте аналогичный показатель составлял 55,7%, а в Тунисе – 48,5%. Обратной стороной такого положения вещей было то, что иорданский авторитарный режим опережал тунисскую и египетскую диктатуры в предоставлении такой услуги, как безопасность: тогда как пробелы в этой сфере в Египте волновали половину, а в Тунисе – треть населения, в Иордании об этом тревожилась лишь пятая часть граждан⁷⁹. Впрочем, подобные цифры едва ли можно считать удивительными в контексте того, что из 350 тысяч государственных служащих в этой маленькой стране 150 тысяч служат в армии, полиции или полувоздушных структурах⁸⁰. Опросы также свидетельствовали о том, что защита со стороны государства была обменена иорданцами на некоторые гражданские права. Согласно данным 2011 года, подавляющее большинство египтян и тунисцев (92,1% и 85,7%) считали, что они могут свободно критиковать собственные правительства; среди иорданцев аналогичного мнения придерживались лишь 44% респондентов⁸¹.

Поскольку градус радикализма в Иордании был ниже, чем в других местах, совокупные итоги «арабской весны» оценивались жителями этой страны более оптимистично. Согласно данным, полученным исследовательской службой «Арабский барометр», в 2013 году иорданцы ощущали себя более свободными, чем накануне потрясений 2011 года. Вместе с тем в противовес ценностной эволюции граждан некоторых других арабских стран их постреволюционные установки по ряду важнейших позиций оказались гораздо более консервативными, чем до 2011-го. Так, в 2014 году существенная часть иорданцев была убеждена в том, что у парламентарной формы правления есть альтернативы, которые ничуть не хуже: около 20% опрошенных не имели возражений против авторитарного лидера; столько же полагали, что к парламентским выборам нужно допускать лишь исламистские партии, а 38% были готовы жить по исламским законам и без парламента и партий⁸². Интересно, что через пару лет, когда набрало силу запрещенное в России «Исламское государство», только 7% иорданцев с одобрением воспринимали акты джихадистского насилия, а в рядах боевиков ИГИЛ насчитывалось лишь шесть–семь тысяч иорданцев – при десятиmillionном населении страны⁸³. Ни в Египте, ни

79 Статистические данные, приводимые в этом абзаце, см.: Ibid. P. 36, 41, 45.

80 ROVINS P. *Op. cit.* P. 229.

81 ТЕТТ А., АБВОТТ Р., САВАТОРТА Ф. *Op. cit.* P. 46.

82 Ibid. P. 63, 69.

83 ROVINS P. *Op. cit.* P. 250.

в Тунисе представить себе такой расклад мнений было нельзя. Разумеется, подобные умонастроения не могли не повлиять на довольно плавный ход умиротворения иорданского общества. Фактически результатом уличных протестов в этой стране стали лишь перетасовки в правительстве, произведенные монархом и подкрепленные обещаниями некоторых малозначащих реформ – типа расширения электоральных квот для женщин или допуска к голосованию с шестнадцатилетнего возраста. В отличие, скажем, от Марокко, где стабильность была куплена ценой принятия новой Конституции, в Иордании возвращение к спокойствию обошлось правящим элитам гораздо дешевле. В целом «Иордания смогла поддержать свое реноме “островка стабильности на Ближнем Востоке” – несмотря на смуту в регионе, войну в Сирии и конфликт в Ираке»⁸⁴.

Несмотря на то, что после конституционной реформы политические мотивы в уличных протестах звучали все глуше, о полном и окончательном умиротворении общества иорданским правителям оставалось только мечтать. По сути дела, Абдалла II был прав: действительно, маховик «арабской весны» изначально был заглушен сбоями в экономике; но проблема заключалась в том, что политическая санация, успешно произведенная монархом, не принесла экономического выздоровления. Эффекты от экстренных мер 2011 года, обеспеченных внешней поддержкой режима, оказались краткосрочными; они никак не могли решить структурные проблемы иорданской экономики, негативно сказывающиеся на социальном благополучии граждан и провоцирующие все новые проявления недовольства. К 2016 году иорданский внешний долг, удвоившись за пятилетку, достиг 35,1 миллиарда долларов США и составил 93% ВВП⁸⁵. Прежде всего этому способствовали два фактора: во-первых, категорическое нежелание правительства Иордании идти на непопулярные экономические преобразования, чреватые новыми протестами; во-вторых, ухудшение регионального политико-экономического климата, обусловленное притоком сирийских беженцев (Иордания к тому моменту вышла на второе место в мире по их числу на душу населения, а содержание бежавших от войны сирийцев сейчас обходится ей в 2,5 миллиарда долларов США в год⁸⁶), расползанием террористических структур на Ближнем Востоке и соответствующим ростом

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

84 ТЕТТ А., АББОТТ П., КАВАТОРТА Ф. *Op. cit.* P. 84.

85 SOWELL K.H. *Jordan Is Sliding toward Insolvency*. Carnegie Endowment for International Peace – Sada. 2016. March 17 (<https://carnegieendowment.org/sada/?fa=63061>).

86 TURNBULL E. *Jordan Remains Second Largest Refugee Host Globally – UNHCR* // The Jordan Times. 2019. July 28 (www.jordantimes.com/news/local/jordan-remains-second-largest-refugee-host-globally-%E2%80%94-unhcr); МАЛКАВИ К. *Syrian Refugees Cost Kingdom \$2.5 Billion a Year – Report* // The Jordan Times. 2016. February 6 (www.jordantimes.com/news/local/syrian-refugees-cost-kingdom-25-billion-year-%E2%80%94-report).

расходов на безопасность, а также сокращением иностранных инвестиций. В силу неудачного для Аммана стечения обстоятельств внешняя подпитка, которая позволила иорданскому режиму выстоять во время «арабской весны», тоже начала сокращаться. На национальной экономике весьма болезненно сказалось, например, то, что Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты, также испытывавшие затруднения, были вынуждены приостановить оказание экономической помощи Амману, после протестов направлявшейся на создание новых рабочих мест и составлявшей миллиард долларов США ежегодно⁸⁷. В итоге Абдалла II был вынужден публично обратиться за помощью к мировому сообществу: страна, заявил монарх в 2016 году, уже не в состоянии кормить сирийских беженцев самостоятельно – она «дошла до “точки кипения”»⁸⁸.

Ответом короны на множющиеся трудности стала очередная смена правительства, состоявшаяся в том же, 2016, году. У нового кабинета не оказалось иной рецептуры финансово-экономической стабилизации, кроме внедрения жесткой экономии. Получив от Международного валютного фонда кредит, обусловленный требованием сократить к 2021 году размер государственного долга до 77% ВВП, правительство обрекло себя на нелегкую жизнь: преодоление долгового кризиса не могло не сопровождаться ростом цен на основные продукты питания, а на это с крайним раздражением реагировала иорданская улица, еще не забывшая протестов пятилетней давности. Напряжение достигло критической точки в мае 2018 года, когда иорданское правительство вынесло на рассмотрение парламента новый вариант налогового кодекса, предусматривавший более высокую налоговую ставку для физических лиц, а также для некоторых секторов экономики – банковской сферы, лизинговых и страховых компаний и так далее. По неудачному совпадению рассмотрение нового фискального законопроекта совпало с подъемом мировых цен на нефть, вынудившего кабинет поднять тарифы на топливо и электроэнергию. Такая комбинация несчастий оказалась не по силам и без того небогатому иорданскому населению. В самом конце мая 2018 года в Аммане, а затем и в других крупных городах началась всеобщая забастовка протеста, организованная профсоюзами. Главным лозунгом протестующих стало слово *taanash* – в переводе с арабского оно означает «у нас нет»⁸⁹. По географическому

87 SWEIS R. *Jordan's Prime Minister Quits as Protesters Demand an End to Austerity* // The New York Times. 2018. June 4 (www.nytimes.com/2018/06/04/world/middleeast/jordan-strike-protest.html).

88 *Jordan at «Boiling Point» Over Refugees* // The Daily Star. 2016. February 2 (www.thedailystar.net/world/jordan-%E2%80%98boiling-point%E2%80%99-over-refugees-211297).

89 Su A. *Jordan PM Caught between Angry Public, International Lenders* // AP News. 2018. June 14 (apnews.com/article/c55f2d1d1dff443bba1b9eaf5cb2d813).

охвату и массовому участию это возмущение стало крупнейшим с «арабской весны».

«Протесты объединили самые разные слои населения – безработную молодежь, женщин, владельцев магазинов, семьи, бедуинов, сотрудников высокотехнологичных компаний. Их участники стремились показать, что они представляют не какую-то конкретную политическую или демографическую группу, а самые широкие круги иорданцев низших и средних страт»⁹⁰.

Интересно, что ни исламисты, ни группировки, выступавшие зачинщиками беспорядков «арабской весны», в этой уличной активности никак себя не проявили.

Реакция со стороны короля оказалась незамедлительной: уже на следующий день Абдалла II потребовал от министров остановить рост цен на топливо. Как и в прежних подобных ситуациях, недовольство «залили деньгами»: такое решение обошлось бюджету в 35 миллиардов долларов США и торпедировало всю предшествующую политику жесткой экономии, которую страна начала было проводить под давлением МВФ. Разумеется, старое правительство было отправлено в отставку, а новое одним из первых своих решений отозвало проект нового налогового кодекса⁹¹. Как и следовало ожидать, непосредственным итогом отказа от непопулярных мер стало прекращение забастовок. Однако перед новым кабинетом стояла та же проблема, которая мучила предыдущее правительство на протяжении всей его работы: министрам приходилось искусно балансировать между суровыми требованиями зарубежных кредиторов и не менее жесткими запросами недовольных масс. Иными словами, новому правительству, согласно точной оценке журналистов, предстояло «смягчить общественный гнев по поводу экономической политики, которую многие иорданцы считают несправедливой, и в то же время снизить соотношение государственного долга и ВВП страны до уровня, приемлемого для международных кредиторов»⁹². Главные упования иорданского государства вновь возлагались на страны Запада и Персидского залива, не раз выручавшие местную экономику. И партнеры, надо сказать, опять не подвели: США пообещали предоставить Иордании в общей сложности почти 6,4 миллиарда долларов США до 2022 года, Саудовская Аравия и ОАЭ выразили готовность выделить ей 2,5 миллиарда долларов в течение пяти лет, а Катар объявил об инвестициях

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

90 SWEIS R. *Op. cit.*

91 О «дыре» в 35 миллиардов долларов США см.: Ibid; см. также: AKOUR O. *New Jordan PM Says He Will Cancel Tax Bill* // U.S. News & World Report. 2018. June 7 (www.usnews.com/news/world/articles/2018-06-07/new-jordan-pm-says-working-on-changes-to-tax-plan).

92 Su A. *Op. cit.*

в 0,5 миллиарда долларов в инфраструктуру Иордании⁹³. Кроме того, от МВФ ожидалось разрешение на отсрочку налоговой реформы.

Тем не менее уже в 2019 году власти Иордании столкнулись с новыми забастовками: на этот раз работать отказались учителя, недовольные низкими зарплатами. Акции, начатые педагогами, традиционно пользующимися в Иордании большим авторитетом, быстро были подхвачены другими бюджетниками. Забастовка продолжалась четыре недели и завершилась, как водится, очередным вмешательством короля: он поручил правительству пересмотреть первоначальную идею повысить учительские оклады на 35%, которые были названы протестующими не иначе, как «хлебными крошками». В результате прибавка составила 60%, а правительство в очередной раз подтвердило свой статус «заложника» старых проблем, зажатого между необходимостью проводить жесткую экономию и одновременно поддерживать необычайно раздутый бюджетный сектор⁹⁴. Совокупный итог протестной волны 2019-го был вполне очевиден: государству вновь удалось справиться с протестами, в очередной раз отсрочив назревшие экономические реформы.

* * *

Иорданским Хашимитам, в отличие от марокканских Алауитов, в начале 2010-х удалось довольно эффективно обуздать волну политического недовольства и подменить реальные конституционные преобразования декоративными законотворческими «новациями». В то же время события «арабской весны» и вызванные ими региональные последствия, включая обострение террористической угрозы и подъем новых волн беженцев, усугубили социально-экономические проблемы королевства⁹⁵. В результате власть Иордании оказалась перед привычной для себя дилеммой: либо проведение непопулярных экономических реформ, несмотря на немалый протестный потенциал, накопленный обществом, либо дальнейшая экономическая стагнация, поддерживаемая латанием бюджетных дыр за счет внешних спонсоров.

93 Ibid.

94 См.: *Jordan Teachers End Four-Week Strike in Pay Deal with Government* // Al Jazeera. 2019. October 6 (www.aljazeera.com/news/2019/10/6/jordan-teachers-end-four-week-strike-in-pay-deal-with-government); *Jordan, Teachers Union Reach Deal to End 1-Month Strike* // Voice of America. 2019. October 5 (www.voanews.com/a/middle-east-jordan-teachers-union-reach-deal-end-1-month-strike/6177105.html).

95 Подробнее см.: ИСАЕВ Л. М., КОРОТАЕВ А. В., МЕДВЕДЕВ И. А., АЙСИН М. *Исламский терроризм на Ближнем Востоке и его влияние на мировую безопасность* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». 2020. Т. 22. № 4. С. 713–730.

Иорданский опыт 2010-х свидетельствует, что монархия Хашимитов не просто предпочла политическую стабильность экономическому развитию – она, фактически, подтвердила заявку на то, что во всех подобных ситуациях ее выбор и впредь останется тем же самым. Избегать по-настоящему серьезных социальных трудностей пока удается исключительно за счет дипломатических талантов монарха, умеющего работать с международными структурами и богатыми соседями. С одной стороны, это позволяет гасить недовольство граждан, но, с другой стороны, вынуждает откладывать назревшие экономические реформы, включая решительный отказ от обанкротившейся модели «государства-рантье». При этом Абдалла II, конституционно наделенный последним словом в определении политического курса, с поражающей воображение скоростью увольняет собственные правительства, на которые перманентно возлагается ответственность за все провалы и неудачи. Ему, впрочем, было у кого учиться: его отец, король Хусейн, за 46 лет правления сменил 44 кабинета министров⁹⁶.

Все сказанное означает, что Иордании, по-видимому, не избежать больших потрясений в будущем. События так называемой «арабской весны 2.0» 2018–2019 годов показали, что даже волнения, вызванные ростом цен на товары первой необходимости, достаточно быстро перерастают в политический протест, актуализируя застарелые проблемы. В свою очередь ситуация в самой Иордании на рубеже 2010–2020-х продолжает оставаться беспокойной. Не успела страна оправиться от протестов второй революционной волны, как в 2020-м на улицы Аммана вышли манифестанты, возмущенные тем, что правительство отказалось-таки повышать зарплаты учителям из-за кризиса, вызванного пандемией. Спустя год по Иордании прокатилась новая волна недовольства, на этот раз спровоцированная заключением «водного соглашения» с Израилем⁹⁷. Кроме того, в тот же самый период страну ощутимо сотрясал, пусть и не слишком публично, династический кризис, в ходе которого король выяснял отношения с родней. Таким образом, не исключено, что тема конституционных реформ, которую Абдалле II удалось благополучно обойти в 2011 году, уже в обозримом будущем вновь выйдет на первый план и «прибежищу вчера в мире завтра» придется заняться коренным переосмыслением себя.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ
ВЧЕРА В МИРЕ ЗАВТРА»...

96 KUMARASWAMY P.R. *Introduction* // IDEM (Ed.). *Op. cit.* P. 19.

97 См.: DAVIS H. *Hundreds Protest in Jordan against Water-Energy Deal with Israel* // Al Jazeera. 2021. November 26 (www.aljazeera.com/news/2021/11/26/hundreds-protest-in-amman-against-water-energy-deal-with-israel).

